

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

ЕВРАЗИЯ — ДИАЛОГ КУЛЬТУР

МАТЕРИАЛЫ ДВАДЦАТЬ ВТОРЫХ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ

Санкт-Петербург
2023

Л. Ф. Попова

Мужские вышитые шаровары в культуре народов Средней Азии и Казахстана

Попова Лариса Федоровна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана, заведующая отделом; rem_larisa@mail.ru

Профессионально изготовленные мужские замшевые шаровары с вышивкой в регионе Средней Азии и Казахстана бытовали в разной этнической и социальной среде как одежда охотников, воинов, охранников, джигитов-посыльных и др. лиц, выполнявших поручения городской администрации. Основным центром изготовления вышитых шаровар в середине XIX – второй половине XX в. являлся г. Ташкент. Вышивание шелком по сукну и коже в технике тамбурного шва являлось отдельным видом городского ремесла, которым занимались мужчины – *юрмадуз*. Становление этого ремесла, вероятно, связано с традициями иранского мира – центры мужской тамбурной вышивки существовали в г. Решт и Нуха (ныне г. Шеки). Поскольку этот вид прикладного искусства был связан с потребностями властных кругов, можно предположить, что, равно как и золотошвейное дело, вышивка шелком по коже и сукну изначально находилась в дворцовом ведении. Интересно, что прямым аналогом среднеазиатских замшевых вышитых шаровар является предмет именно иранской культуры – вышитые штаны участников иранской борьбы *кошти*, имеющей очень древнюю историю. Эта параллель представляется перспективной в плане дальнейшей разработки изучаемой темы.

На протяжении XX в. вышитые шаровары были «присвоены» разными этническими культурами Средней Азии и Казахстана как исконный элемент традиционного костюма.

Ключевые слова: замшевые вышитые шаровары, мужская вышивка тамбуром, Ташкент, собрание Российского этнографического музея.

В регионе Средней Азии и Казахстана до середины 1920-х гг. бытовали предметы, которые многие народы считали «своими», несмотря на их полную идентичность. Исследователи традиционной культуры порой смело приписывают изготовление таких вещей местным мастерам, формируя тем самым миф о народных ремеслах. На самом деле предметы-близнецы являлись покупными изделиями, изготовленными в конкретном ремесленном центре и по ряду причин имевшими широкий спрос безотносительно этнических рамок. К таким предметам относились мужские, замшевые, вышитые шаровары, истории изготовления и бытования которых посвящен настоящий доклад.

В русскоязычных источниках XIX в. замшевые штаны именуется: *чембары*, *шалбар*, *ергак*, *шым*. Эта одежда имела широкое распространение у кочевого населения, но и оседлые жители региона, направляясь в дальнюю дорогу, могли использовать замшевые шаровары. Козловые *чембары* были настолько практичны, что в XIX в. в Бухарском эмирате и Кокандском ханстве они входили в состав военного костюма. По этой же причине в конце 1860-х гг. они были введены в пехотных и артиллерийских частях русской армии, покорявшей Туркестан. *Тирины-чальвар* из бараньей замши прочно вошли в казачий быт: «Ни один казак не может обойтись без этой одежды, и привозимый товар быстро расходуется»¹.

Замшевые шаровары могли иметь богатый вышитый орнамент, выполненный шелковыми нитями тамбурным швом. Специального внимания у исследователей среднеазиатского костюма этот вид одежды еще не получил – ни в плане его генезиса, ни в плане изготовления и бытования. Вышивка по замше не включается и в общие обзоры среднеазиатского вышивального искусства. Стараясь ликвидировать некоторые из указанных лакун, автор опирался на следующие источники: музейные коллекции и сопроводительные данные к ним, иллюстративные материалы, сведения бытописателей и исследователей традиционной культуры народов Средней Азии. Следует подчеркнуть, что большинство сведений о предмете нашего исследования фрагментарны, поэтому реконструируемая картина бытования вышитых шаровар пока имеет общий характер.

В основу работы положен анализ коллекции шаровар из собрания Российского этнографического музея (далее РЭМ), которая нуждалась в атрибуции по ряду позиций описания этнографического памятника. Очевидно, РЭМ обладает самой крупной в Российской Федерации коллекцией этих предметов, насчитывающей 15 экз., 14 из которых ранее входили в собрание бывшего Музея народов СССР (Москва).

Как выставочный предмет вышитые замшевые штаны (2 экз.) впервые фигурировали на Этнографической выставке 1867 г. Одни – входили в состав коллекции, собранной в Ташкенте в 1865 г. и предоставленной первым военным губернатором Туркестанской обл. генералом М. Г. Черняевым. Дарителем этих шаровар был ташкентский маклер Хаджи Юнусов. Предмет изготовлен из тонко выделанной замши, окрашенной в бордовый цвет (кол. 8762–20514). Вторые штаны (кол. 8762–23497) находились в комплексе казахского мужского костюма, подаренном выставке ИРГО.

Вышивка обоих предметов, бытовавших в разной этнической среде, выполнена в одной технической и стилевой манере, что указывает на их общее происхождение. Определить центр производства этих вещей удалось при анализе материалов Туркестанского отдела Политехнической выставки 1872 г. (Москва). Под грифом «Коллекция фон Кауфмана»² экспонаты Туркестанского отдела были переданы Музеем народоведения. Ключом к истории этих экспонатов, в том числе и вышитых шаровар, является Каталог Туркестанского отдела³.

Отдел знакомил посетителей выставки с производительными силами вновь присоединенного Туркестанского края. В числе развивающихся кустарных промыслов было представлено вышивание по сукну и замше, выполнявшееся вручную мастерами-мужчинами. Интересно, что в условном интерьере лавки вышивальщика, напоказ работал мастер *юрмадуз*⁴ Мир Сафар, специально приехавший из Ташкента в Москву. Каталожный комментарий к данной сцене свидетельствует: «Вышивание шелками тамбуром, издавна существующее в Бухаре, развилось в Ташкенте недавно. Лет 40 или 50 тому назад ишан Иса Ходжа, ездивший в Бухару учиться, вывез оттуда и искусство вышивать; он поселился в Кокане и завел большую мастерскую. Говорят, что у него было до 600 учеников. Ученики его перенесли это ремесло и в Ташкент. В Ташкенте, до занятия его русскими, оно имело слабое развитие; вышивали, главным образом, покрывала, которые носят киргизские женщины; но с приходом русских, которым пришлось по вкусу пестрые салфетки, скатерти,

кофты и т.п., стало быстро развиваться; с усилением спроса возросли и цены, и теперь это ремесло считается одним из самых выгодных»⁵.

Вышивальщик использовал пальцы *гардич* и крючок *бегиз*, *ильмаклир бегиз*⁶. Это подтверждается двумя известными автору фотографиями, запечатлевшими вышивальщиков за работой. На снимке из «Туркестанского альбома»⁷ (МАЭ, И. 1718–119) мастер-самаркандец держит изделие в круглых пальцах, но вышивает иглой. Фото из собрания РЭМ (фотокол. № 5449–21) документирует работу двух вышивальщиков, декорирующих именно шаровары. Описание не содержит указания на место съемки, но, судя по костюму мастеров, действие происходило в Фергано-Ташкентском оазисе.

Большую ценность имеет описание приемов вышивания Мир-Сафаром: «Узора он не рисует, только мелом очерчивает салфетку по краям, чтобы она имела правильную квадратную форму и делает три круга внутри, чтобы держаться известного расстояния от центра; все свои узоры он знает наизусть <...> но он может вышивать и по данному узору на заказ; в таком случае он для большей аккуратности делает из него припорох. Если ему понравится на ком-нибудь узор, которого он еще не знает, он <...> приглашает интересующую его личность на чай, и пока гость услаждается чаем, он старается запечатлеть невиданный узор в своей памяти»⁸.

Такой же вышивальщик-импровизатор описан А. К. Гейнсом: «Иногда вышиванием занимаются и мужчины, так, например, в форте Перовском в 1864 и 65 гг. находился кокандец, превосходно и чрезвычайно быстро вышивавший; ему можно было давать свои узоры, которым он подражал необыкновенно верно; говорят также, что таких искусников в г. Ташкенте весьма достаточно»⁹. В данном тексте особенно важно указание на Ташкент как центр мужского вышивального промысла узбеков-сартов. Подтверждение этому находим у П. И. Пашино: «Мы проезжали (в Ташкенте.— Л.П.) и мясными рядами, <...> и книжными магазинами, и шорными лавками, в которых сидели мастерские и вышивали окрашенные кожи шелками»¹⁰.

Согласно КATALOGУ Туркестанского отдела Политехнической выставки (далее Каталог), замшевые шаровары демонстрировались не только в «лавке вышивальщика», но и в разделе по обработке кожи¹¹. Для датировки среднеазиатских замшевых изделий важно отметить, что до 1865 г. замшу окрашивали только в желтый цвет отваром испаряка (*Delphinium*) с квасцами; темно-желтый или оранжевый цвет получали за счет добавления

в отвар марены. Для русских армейских *чембар* замшу стали красить и в бордовый цвет «отваром из смеси сандала, марены и квасцов»¹². Малиновый цвет замше придавал фуксин, быстро завоевавший популярность в 1860-х гг. Черная замша производилась для русских офицеров – черные кожаные шаровары с красным кантом были неотличимы от драповых. В качестве черного красителя употребляли цветки черной мальвы (*Althaea pallida*) с квасцами¹³.

Еще одни вышитые шаровары на Политехнической выставке входили в состав костюма казаха-джигита, то есть должностного лица «для посылок и поручений при каком-либо начальнике»¹⁴. В Каталоге отмечено, что такие шаровары «надеваются при верховой езде и потому носятся или постоянно ездящими верхом, каковы джигиты, или при отправлении в дорогу»¹⁵. Эти данные дополняет описание джигита, принадлежащее перу Н. Н. Каразина: «На голове Мумына <...> был надет рогатый, разрезной малахай летний, из белого войлока, а на плечах три халата <...> шаровары у Мумына были кожаные, сохранившие еще следы вышивного шелками узора»¹⁶. Замшевые штаны, приобретенные С. М. Дудиным в Самаркандской обл. в 1902 г. (кол. № 58–37), имеют сходную легенду.

Большую роль для определения функции вышитых шаровар играют выявленные фотодокументы, к сожалению, пока немногочисленные. Так, в «Туркестанском альбоме» имеется фотоснимок «Административный служащий» (МАЭ, И. 1718–179), на котором запечатлен молодой мужчина в вышитых штанах с заправленными в них полами верхней одежды. Определить его этническую принадлежность сложно, но в данном случае это не столь важно. На фотографии Ф. Ордэна «Бухарец» (МАЭ, И. 1889–8) позирует богатый горожанин, о чем свидетельствует его парчовый халат. Позади бухарца стоят два человека, явно имеющих к нему отношение, поскольку смотрят в объектив и держатся уверенно, подобно охранникам. Они одеты в одинаковые шапки и халаты, заправленные в шаровары. Самое примечательное, что у одного из охранников шаровары тканевые(?), с обильной вышивкой, а у другого – замшевые, с вышитым узким бордюром. Наконец, фотоснимок Ф. Ордэна «Городская стража» документирует вышитые шаровары как одежду некоторых из бухарских стражников (МАЭ, И. 255–181).

Таким образом, приведенные свидетельства позволяют утверждать, что вышитые шаровары являлись одеждой «корпорации» служилых людей, выполнявших при городской администрации функции посыльных, охранников и т. п.

Как уже упоминалось, замшевые шаровары являлись и воинской одеждой. Наиболее ярко об этом свидетельствуют полотна В.В. Вережагина, служившего в 1865–1870 гг. художником при генерал-губернаторе фон К.П. Кауфмане. Так, на картине «Высматривают»¹⁷ изображено целое воинство, одетое в халаты и желтые штаны, в том числе и вышитые. В одном из комментариев к картине утверждается, что изображенные воины – киргизы¹⁸. Автор считает изображенное войско кокандским, воюющим против русской армии. Как бы то ни было, важно, что предполагаемый театр военных действий близок к ташкентскому центру изготовления вышитых шаровар.

Афганский мужской костюм, экспонировавшийся на Политехнической выставке, также включал вышитые кожаные штаны, поскольку афганцы-переселенцы сохраняли в Средней Азии идентичность воинов¹⁹.

Этот предмет одежды как принадлежность военного костюма бытовал и у казахов, что подтверждает фотография «Казахский воин»²⁰ из альбома Семиреченской выставки 1913 г. Данный постановочный снимок, в частности, «закрепил» за казахской культурой ташкентские шаровары узбекской работы. Следует заметить, что и в начале XX в. узбеки-сарты Сырдарьинской обл. продолжали вышивать для казахов халаты, попоны, головные уборы и др., используя тамбурный шов и характерные орнаментальные мотивы²¹.

Вопрос о генезисе мужской вышивки в Средней Азии как отрасли городского ремесла сложен и требует отдельного рассмотрения, базирующегося на привлечении сравнительного материала. Так, сходные вышивальные традиции можно обнаружить в ареале иранской культуры. Речь идет о г. Решт и Нуха (ныне г. Шеки), где мужчины вышивали по сукну именно тамбурным швом. Изысканно декорированный текстиль в иранской традиции был связан с дворцовым бытом, и в связи с этим большого внимания заслуживает указание на Бухару²², где находился двор эмира, как давний центр тамбурной вышивки по сукну и коже. В контексте культурных взаимосвязей Ирана и Средней Азии можно предполагать, что подобно золотному шитью, мужская вышивка шелком некогда была связана с потребностями властных элит Среднего Востока.

Любопытно, что прямым аналогом среднеазиатских вышитых шаровар является предмет иранского же происхождения – штаны участников традиционной иранской борьбы *koшти*²³. Атрибуты этого ритуализированного вида борьбы, возникшего еще в эпоху зороастризма, заслуживают всяческого внимания.

В заключение можно сделать вывод о том, что в Средней Азии и Казахстане замшевые вышитые шаровары являлись одеждой джигитов, охранников, охотников, воинов, участников ритуальных спортивных состязаний. В середине XIX в. сложился новый центр их производства – г. Ташкент. Конкретные данные о наличии этого промысла в Бухаре автором пока не выявлены. В кочевую среду вышитые шаровары проникали через торговый обмен. У казахов, киргизов, узбеков этот вид одежды могли носить не только охотники и джигиты, поэтому названные народы считают его исконным предметом своего национального костюма.

¹ Красовский М. Область Сибирских киргизов. Санкт-Петербург: Карл Край, 1868. Т. 2. С. 393.

² Поскольку генерал-губернатор Туркестанской области К.П. фон Кауфман оказывал большое содействие организации Туркестанского отдела Политехнической выставки, то его именем была условно названа коллекция, составленная из экспонатов отдела.

³ Каталог Туркестанского отдела Политехнической выставки/Сост. М.И. Бродовский, Д.Л. Иванов, И.И. Краузе [и др.]. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1872.

⁴ *Юрмадуз* (узб.) – «вышивальщик тамбуром».

⁵ Каталог Туркестанского отдела... С. 59.

⁶ Там же.

⁷ «Туркестанский альбом» – альбом фотографий, выпущенный в 1872 г. для сопровождения Политехнической выставки.

⁸ Каталог Туркестанского отдела... С. 59.

⁹ Гейнс А. К. Собрание литературных трудов. Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. Т. 1. С. 166.

¹⁰ Пашино И. П. Туркестанский край в 1866 году: Путевые заметки. СПб.: Тип. Тиблина и Неклюдова, 1868. С. 97.

¹¹ Каталог Туркестанского отдела... С. 48.

¹² Там же. С. 69.

¹³ Там же. С. 48, 69.

¹⁴ Там же. С. 58.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Каразин Н. Н. Как чабар Мумын берег вверенную ему казенную почту//Полн. собр. соч. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1904. Кн. XVI. С. 223.

¹⁷ Верещагин В. В. «Высматривают» (1873). Государственная Третьяковская галерея. Москва.

¹⁸ См.: URL: <https://vk.com/@classicrusart-vereschagin-vv-vysmatrivaut-1873-maloizvestnye-shedevry-tret>

¹⁹ Каталог Туркестанского отдела... С. 55.

²⁰ РЭМ. 9462–37.

²¹ С.М. Дудин. Отчет о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг. Москва: Фонд Марджани, 2021. С. 541.

²² Каталог Туркестанского отдела... С. 59.

²³ Этот вид борьбы получил распространение и на Южном Кавказе. В собрании РЭМ имеются два экземпляра штанов борца: РЭМ. 1818–1 и РЭМ. 1719–1.

UDC 39.139

L. F. Popova

Men's Embroidered Sirwal Trousers in the Culture of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan

Popova Larisa Fedorovna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Caucasus, Central Asia and Kazakhstan, head department; rem_larisa@mail.ru

In the region of Central Asia and Kazakhstan, professionally made men's suede embroidered trousers existed in different ethnic and social environments as the clothing of hunters, warriors, guards, messenger jigits and other persons who carried out orders of the city administration. The main center for the manufacture of embroidered trousers in the middle of the 19th century – second half of the 20th century was the city of Tashkent. Silk embroidery on broadcloth and leather in the technique of the tambour stitch was its own type of urban craft practiced by men that was called Jurmaduz. The origins of this craft can probably be traced to the traditions of the Iranian world: the centers of men's tambour stitch embroidery existed in the cities of Rasht and Nukha (presently Shaki). Since this kind of applied art was associated with the needs of the authority classes, it can be assumed that, as well as gold embroidery, silk embroidery on leather and broadcloth was originally under the royal jurisdiction. Peculiar enough, the direct analogue of the Central Asian suede embroidered trousers are the embroidered trousers of the Iranian kushti wrestlers that have a very ancient history. This parallel seems promising in terms of further development of the topic.

During the 20th century, embroidered trousers were “appropriated” by different ethnic cultures of Central Asia and Kazakhstan as an original element of the traditional costume.

Keywords: suede embroidered sirwal trousers, men's tambour stitch embroidery, Tashkent, collection of The Russian Museum of Ethnography.

Т. Г. Емельяненко

**Бухарские евреи в современном
Узбекистане: репрезентация идентичности
(по полевым материалам 2022 года)**

Емельяненко Татьяна Григорьевна, Российский этнографический музей (С.-Петербург), отдел этнографии Средней Азии и Кавказа, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук; rem.tatyana@mail.ru

В докладе на основе полевых материалов автора приводятся описания основных методов, используя которые бухарские евреи утверждают свое присутствие в современном Узбекистане и репрезентируют свою идентичность в его этнокультурном пространстве – кладбищах и синагогах. Значение кладбищ рассматривается на примере кладбища в Шахрисябзе, которое после реставрации превращено в историко-культурный центр, а синагоги становятся знаками не только реального, но и символического присутствия бухарских евреев в регионе.

Ключевые слова: бухарские евреи, синагоги, кладбища, Узбекистан.

Еще лет двадцать назад казалось, что бухарские евреи навсегда исчезнут с этнической карты Средней Азии. После массовой эмиграции в 1990-х – начале 2000-х гг. из Узбекистана, где исторически проживало большинство бухарских евреев, и на территории которого, собственно, и сформировалась эта этническая группа еврейского народа, лишь в наиболее крупных городах – в Ташкенте, Самарканде, Бухаре и Коканде – оставались отдельные семьи, но и они, как можно было тогда предположить, отправятся вскоре вслед за своими родными и близкими. Последующие годы показали, что бухарские евреи

смогли достаточно успешно адаптироваться в новых географических и культурных границах – в Израиле, США, Германии, Австрии и других странах, и трудно было ожидать, что кто-либо из них, особенно эмигрировавших в юном возрасте или уже родившихся там, будет хранить память о своем среднеазиатском прошлом, тем более столь разительно отличающемся по уровню благосостояния и благополучия от их современной жизни.

Однако, такому предположению не суждено было сбыться. Во-первых, окончательный исход бухарских евреев из Средней Азии не случился: одни так и не уехали по личным или семейным обстоятельствам, другие вернулись, найдя здесь применение своим деловым или профессиональным интересам. Точные сведения о количестве бухарских евреев, постоянно проживающих в настоящее время в Узбекистане, отсутствуют, но, по данным Конгресса бухарских евреев США и Канады, всего в Средней Азии их насчитывается около 500 человек. Во-вторых, каждый бухарский еврей остался неразрывно связан со своей малой родиной через память о своих предках, похороненных в этой земле, и эта связь за годы эмиграции обострилась, несмотря на расстояния и для многих теперь уже десятилетия разрыва. Существуют специализированные благотворительные фонды: «Бухара», «Самарканд», «Коканд» и т.п., в которые бухарские евреи – выходцы из соответствующих городов – регулярно вносят средства на содержание местных кладбищ. Не каждый может совершать столь дальние путешествия в Узбекистан, чтобы отдать дань памяти, но уверенность в том, что там с могилами их предков «все в порядке», важно для каждого. Примечательно, что если первоначально была поставлена задача просто сохранить свои захоронения и поддерживать на могилах хотя бы относительный порядок, привлекая для этого кладбищенских рабочих из оставшихся бухарских евреев или из узбеков, то со временем пришло осознание, что кладбища должны стать не только местом семейной и исторической памяти самих бухарских евреев, но и свидетельствами многовекового присутствия их на узбекистанской земле и их вклада в развитие и культуру страны. В настоящее время этот замысел реализуется через проект полномасштабной реконструкции кладбищ.

Значительные работы уже проведены на кладбище в Самарканде. В мае 2022 г. была завершена реставрация шахрисябского кладбища, а осенью того же года – кладбища в Коканде. Мне довелось присутствовать на торжествах по случаю открытия

обновленного кладбища в Шахрисябзе, на которые съехалось более 250 бухарских евреев из разных стран, когда-то проживавших здесь, также дети, внуки и правнуки тех, чьи родные похоронены в этой земле.

Община бухарских евреев в Шахрисябзе исчезла еще в первой половине 1990-х гг., впоследствии были снесены и дома еврейского квартала в результате реконструкции города. Кладбище сохранялось, но могилы со временем разрушались, надгробные плиты уходили в землю, и единственный сторож, нанятый бывшими членами местной общины, мог поддерживать лишь относительный порядок. В результате же реставрационных работ не только каждая плита, включая безымянные, со стершейся от времени надписью, была надежно установлена, но и созданы мемориалы погибшим в Гражданскую и Великую Отечественную войны. Таким образом, сегодня это не просто кладбище, а историко-культурный комплекс, отражающий разные эпохи жизни шахрисябских бухарских евреев и свидетельствующий об их роли в истории города и Узбекистана.

В связи с реконструкцией шахрисябского кладбища отметим два важных обстоятельства. Первое, все работы стали возможны при финансовой поддержке успешного бизнесмена, но еще достаточно молодого бухарского еврея Бориса Юсупова из Австрии, чьи родные похоронены на этом кладбище. Следовательно, и молодое поколение сохраняет идеалы и ценности своего народа, несмотря на успешную адаптацию в западном мире. Второе обстоятельство связано с тем, что все работы, кроме архитектурного дизайна новых мемориальных комплексов, автором которых стал бухарский еврей С. Исхакбаев, осуществлены руками узбекских мастеров – строителей, камнерезов, резчиков по дереву. В этом сотрудничестве нашли отражение многовековые традиции плодотворного сосуществования двух столь разных по происхождению и религии народов – бухарских евреев и узбеков.

Кроме того, реконструкция шахрисябского кладбища предусматривала, что оно будет не только местом коллективной и исторической памяти, но и знаком сохранения религиозной жизни бухарских евреев в Узбекистане: на территории кладбища возведена синагога – небольшая, но ставшая первой, построенной в Узбекистане в постсоветское время.

Другим свидетельством сохранения религиозной жизни, которая на протяжении веков являлась для бухарских евреев главным признаком идентичности и одновременно показателем их присутствия в среднеазиатском регионе, является

новая синагога в Самарканде. В прошлом в этом городе была самая многочисленная община бухарских евреев, большинство членов которой проживало в *Махалля яхудиён* – еврейском квартале, основанном в 1843 г. В настоящее время он заселен узбеками, и только сохранившаяся знаменитая синагога «Гум-баз» остается здесь островком еврейской жизни. Но центр переместился в другую часть города – «русскую», образовавшуюся после присоединения Самарканда к Туркестанскому генерал-губернаторству (1868), где селились также бухарские евреи, занятые крупной предпринимательской деятельностью. В настоящее время в Самарканде проживает лишь несколько десятков семей бухарских евреев, но в этом районе они имеют свою синагогу, располагающуюся в одном из старинных бухарско-еврейских домов, выкупленного у владельца и специально перестроенного для этой цели. В синагоге есть все необходимое для молитвенной службы, проведения религиозных обрядов, занятий; свитки Торы, количество которых периодически пополняется за счет даров от бывших членов самаркандской общины или переданных синагоге в память о родных, живших в Самарканде. Это служит доказательством веры в то, что, несмотря на массовый отъезд из Узбекистана, очаги бухарско-еврейской жизни угаснуть здесь не должны. Как свидетельствуют примеры обновления кладбищ, действующие синагоги, этого и не происходит. Более того, такая перспектива заметна и привлекательна, причем не только для самих бухарских евреев. Отмечу в связи с этим один примечательный факт. Участниками мероприятий, посвященных открытию шахрисябского кладбища, стали два потомка *чала* – евреев, принявших ислам. Один из них – узбек из Хивы, другой – таджик из Душанбе, но по семейной истории им известно, что их дальние предки были евреями, и они чувствуют в себе еврейские корни, желание быть сопричастными еврейской жизни. Возможно, такие люди могут стать своего рода «внутренним резервом» пополнения среднеазиатской общины бухарских евреев, и даже благодаря им произойдут качественные изменения ее состава. Пока подобные случаи единичны, но активность бухарско-еврейской жизни в регионе, несомненно, находит положительный отклик. Поэтому значение проектов, которые бухарские евреи осуществляют сегодня на своей малой родине, трудно переоценить.

T. G. Emelyanenko

The Bukhara Jews in Modern Uzbekistan:
Identity Representation (Based
on Field Data, 2022)

Emelyanenko Tatyana Grigoryevna, The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg), the Department of Ethnography of the Central Asia and Caucasus, leading researcher, D. Sc. (History); rem.tatyana@mail.ru

The following report, based on the field data collected by the author, describes the main methods that the Bukhara Jews utilize to establish their presence in modern Uzbekistan and represent their identity in its ethnic and cultural space in a form of jewish cemeteries and synagogues. The cultural significance of the jewish cemeteries is analyzed in the context of the Shahrisabz cemetery, which was turned into a historical and cultural center after its restoration, solidifying synagogues as the evidence of the both real and symbolic presence of the Bukhara Jews in the region.

Keywords: the Bukhara Jews, synagogues, cemeteries, Uzbekistan.